

SOCIAL SCIENCE

Применение методологии дискурс-анализа для изучения дискурсивного уровня онтологии вещей: возможности и ограничения

Д. Бойко, Б. Дикань

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, Харьков, Украина
Corresponding author. E-mail: dmytry.n.boyko@gmail.com dykanbohndan@gmail.com

Paper received 17.01.19; Accepted for publication 26.01.19.

<https://doi.org/10.31174/SEND-HS2019-192VII32-20>

Аннотация. В статье рассматривается потенциал дискурс-анализа как методологии изучения дискурсивного уровня онтологии вещей. Отмечается, что вариант методологии в интерпретации теории гегемонии Э. Лакло и Ш. Муфф наиболее актуален для такого изучения. Подчеркивается, что вещь как социально освоенный материальный объект включена в культурно-знаковые структуры, за счет чего и является возможным использованием дискурс анализа для ее изучения. Приводятся примеры того, какие аспекты дискурсивного уровня онтологии вещей охватываются методологией дискурс-анализа, а какие упускаются.

Ключевые слова: социология вещей, дискурс-анализ, мифологизация, артикуляция.

После «поворота к материальному», когда усилиями Бруно Латтура [1], Джона Ло [2] и других была принята попытка развенчания пансемиотического подхода, в гносеологическое поле социологии «на постоянной основе» были включены материальные объекты – вещи. Концептуализации и интерпретации их социальности посвящается множество работ, однако остается открытым вопрос по поводу сопоставления новых теоретических наработок в социологии вещей с уже существующими общесоциологическими теориями: классические и современные концепции ориентированы, прежде всего, на изучение «одухотворенных» объектов, однако можно ли их применять к изучению вещей?

Если исходить из множественной социальной онтологии вещей, подразумевая и их инструментально-функциональное, и знаково-дискурсивное, и пространственное воплощение, то необходимой становится разработка специальной методологии и методики для каждого из изучаемых уровней. Использование вещей в ходе производства повседневных практик поддается прямому изучению с помощью всего багажа тематической социологической теории и методологии, тогда как применимость «проверенного» арсенала для исследования дискурсивного уровня онтологии вещей не является настолько однозначной. Поэтому в качестве цели данной статьи мы поставили выявление возможностей и ограничений при применении методологии дискурс-анализа для изучения дискурсивного уровня онтологии вещей.

Сам дискурс-анализ не сводится лишь к методу, его можно считать целым направлением в социальных науках, которое является настолько широким и неоднородным, что его легко можно выделить в отдельную научную дисциплину, а сложность и процедурная неоднозначность дискурс-анализа позволяют исследователям, погружающимся в проблематику дискурс-анализа, «чувствовать себя членами тайного общества, ордена избранных, обладающих сакральной языком и средствами познания» [3, с. 454]. Поэтому из всего многообразия дискурс-аналитических концепций и моделей наиболее актуальными для социологии

в целом и для нашего исследования в частности мы считаем вариант дискурс-анализа как методологии и как метода в интерпретации теории гегемонии Э. Лакло и Ш. Муфф [4]. Для этого направления характерны следующие постулаты: 1) наши знания – продукт дискурса, то есть результат классификации реальности с помощью категорий, а не прямое отражение внешнего мира; 2) способы понимания и представления мира обусловлены историческим и культурным контекстом; 3) знания возникают в процессе социального взаимодействия, где люди конструируют истины и доказывают друг другу, что является верным, а что ошибочным; 4) в соответствии с определенными мировоззрениями некоторые разновидности поведения фиксируются как естественные, другие – как неприемлемые [5, с. 19-21].

Э. Лакло и Ш. Муфф рассматривают дискурс как способы общения и понимания социального мира, конкурирующих между собой за предоставление ему определенных значений, они постоянно вовлечены в борьбу за достижение превосходства. Ключевое словосочетание указанной теории – «борьба дискурсов». Цель дискурс-анализа, по Э. Лакло и Ш. Муфф, заключается в том, чтобы определить процессы структурирования социальной реальности, в ходе которых происходит закрепление за теми или иными знаками определенных значений, устанавливающих, воспроизводящих и изменяющих отношения идентичности. Для этого процесса используется термин «артикуляция»: «Мы называем артикуляцией любое действие, устанавливающее отношение среди элементов так, что идентичность знаков изменяется в результате артикуляционной практики. Все структурное единство, появившееся в результате артикуляционной практики, мы назовем дискурсом» [цит. по: 5, с. 49]. Итак, дискурс в трактовке Э. Лакло и Ш. Муфф – это продукт, произведенный в ходе и в результате артикуляции представлений о социальной реальности, он принципиально незавершенный, открытый к структурным изменениям, и именно на формировании и изменении этой структуры акцентирует внимание дискурс-анализ в их варианте.

«Модель дискурса Лакло и Муфф нам напоминает многочисленные трансформации изображения, которые мы наблюдаем в калейдоскопе: один и тот же набор частиц при каждом повороте калейдоскопной трубы выстраивается по-новому, образуя структуру нового рисунка» [6]. Однако такая метафора является неполной, ведь не включает субъектную сторону, которая для Э. Лакло и Ш. Муфф достаточно принципиальна: онтологически субъект помещен в дискурс, где в ходе дискурсивных практик включен в процесс идентификации; гносеологически субъект (на лакановский манер) приравнивается к позиции в дискурсе. Идентичность всегда образована в соответствии с принципом относительности, поэтому субъект всегда расщеплен и имеет слож(ен)ную многоуровневую и иерархическую идентичность.

Идентификация формирует противоположные взаимоисключающие идентичности, приводит к становлению антагонизмов «мы – другие», «свои – чужие», «друг – враг» и т.п., и именно антагонистическая логика идентификации является ключевым аспектом как ее онтологии в современном обществе, так и гносеологического ракурса дискурс-анализа. Из-за своей антагонистической природы дискурсы принципиально остаются незавершенными, их внутренняя и внешняя борьба перманентна. Сформированные разрывы заполняются дискурсивными конструктами, которые не дают дискурсивным (и, соответственно, социальным) практикам превратиться в абсолютный хаос и «войну всех против всех», и ключевой разновидностью «наполнителя» разрывов является миф. Эта категория используется, чтобы подчеркнуть иррациональную природу дискурсивного и дискурсивно-антагонистического, их интуитивно-чувственный, аффективный характер. Миф рассматривается как бытие особого рода, как «набор искаженных представлений действительности», и это мифическое «искажение неизбежно, потому что оно устанавливает необходимый горизонт для наших действий» [7, с. 18], он поддерживает антагонизмы и заполняет зазоры, образующиеся между полюсами. И при наличии антагонистического единства и борьбы дискурсивных противоположностей рано или поздно происходит переход количества в качество, для описания и объяснения которого Э. Лакло и Ш. Муфф, продолжая традицию А. Грамши, обращаются к термину «гегемония», интерпретируя ее как переартикуляцию антагонистических практик, которая снимает антагонизмы. Для образования гегемонии необходимо не только наличие антагонистических сил, а возможность и способность элементов этих сил перемещаться с одной стороны на другую, чтобы создать необходимый дисбаланс. В ходе гегемонии рационализируется миф «победителей», тем самым образуется универсальный миф. И такое видение очень похоже с концепциями мифологии Р. Барта и доксы П. Бурдьё: такой универсальный миф / докса служит поддержанию гегемонии, поэтому в них нет места антагонизму, пока гегемония не «проявит слабость», и не образуются новые антагонистические силы.

И как же данную методологическую схему можно заточить под изучение вещей? Подразумеваемая под вещью социально освоенный и/или произведенный

материальный объект, мы автоматически приписываем ей включенность в определенные культурно-знаковые структуры, то есть помимо функционального осваивания и производства вещей происходит их дискурсивное осваивание и производство. Иными словами, используя геометрические аналогии, сложные многомерные фигуры вещей проецируются на культурно-контекстуальную плоскость, тем самым весь их возможный коннотат и функциональность редуцируется до «социально-приемлемого». Причем эта проекция не является единственно возможной, универсальной и окончательной, даже наоборот – такая проекция включается в определенные дискурсы, а вокруг ее «верности» ведется символическая борьба. Вещам характерна двойная многозначность: им сразу могут быть присущи несколько знаков, каждому из которых могут соответствовать несколько значений. Дискурсивные проекции вещей строятся в соответствии с существующими в дискурсе антагонизмами: «элитный» или «массовый» товар, «высокое» или «низкое» произведение искусства, «мужской» или «женский» продукт и тому подобное. Символическая борьба вокруг дискурсивных проекций вещей ведется не столько по поводу владения и распоряжения ими, сколько за их интерпретацию. Для этого разрывы, образующиеся антагонизмами, заполняются мифами в отношении вещей, нацеленными на укоренение интуитивно понятных схем интерпретации их роли и места в дискурсе. То есть вещь становится объектом мифологизации, превращаясь в материальный коррелят дискурсивных антагонизмов. В ходе мифологизации используется упрощенная модель вещи (редуцирована в ходе проекции), которая наделяется именно теми характеристиками, которые необходимы для одного полюса антагонизма. Например, кухонные и бытовые приборы за счет дискурсивных средств (рекламы, маркетингового позиционирования, дизайна, стереотипов и т.д.) включаются в гендерные антагонизмы и оформляются как атрибут женщин, тем самым поддерживая мужскую гегемонию. При этом игнорируется очевидный факт, что ни половой, ни гендерной ограниченности функциональность этих вещей не имеет.

Разрыв между реальными характеристиками вещи и их дискурсивным воспроизведением столь существенный, что дискурсивные проекции отделяются в относительно независимые социальные конструкты, которые функционируют по независимым от «оригинала» правилам. Дискурсивные проекции вещей включаются в социальные отношения совсем иного порядка и природы, чем их материальные воплощения, получая качественно отличные свойства и характеристики. Очевидно, что они перенимают свойства дискурса и его элементов, включаясь в контекстуально-языковую игру и знаковые системы. И в ходе этого включения образуются новые языковые и дискурсивные связи между вещью и другими социальными объектами, которых не было у ее материального аналога: по распространенной версии, название московского Китай-города никак не связано с Китаем [8], но банальная омонимия неразрывно связала его с феноменом Чайна-таун (как минимум, на уровне ассоциаций).

Такая ситуация иллюстрирует то, что вещи во время своего вписывания в дискурсы хотя и теряют определенные содержательные характеристики, редуцируясь только до востребованного контекстуального значения, однако получают другие, нематериальные свойства. Речь идет о том, что дискурсивная проекция вещи приобретает свойства текста, встроенного в «витиеватую» ризому, децентрализованная и ситуативная структура которой обуславливает вариативность и фрагментарность интерпретации самой вещи. Это связано с тем, что знаки, из которых состоит вещь-текст, обладают многими значениями, и это приводит к множественности как самих знаков [9], так и текста в целом – «в нем <...> нет центра, который его объединяет, нет закрытости» [10, с. 415-416], а любое прочтение текста приводит к появлению новых смыслов, обеспечивающих его незавершенность и открытость. Так актуализируются их интертекстуальные свойства, ведь «любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста» [109, с. 167], а сама интертекстуальность «не может быть сведена к проблеме источников и влияний; она представляет собой общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить, бессознательных или автоматических цитаций, даваемых без кавычек» [10, с. 418].

Возвращаясь к проблеме интериоризации вещей-текстов следует отметить, что их знаково-символические свойства позволяют проводить дискурсивную артикуляцию вещей без использования непосредственного материального субстрата: наверное, большинство современных людей не имели дела ни с тяжелым армейским вооружением, ни с тяжелыми наркотиками, однако достаточно четко представляют себе их опасность и деструктивную способность, поэтому негласно или гласно соглашались с необходимостью контроля их распространения. Объективная ограниченность человеческого праксиса очерчивает границы жизненного мира, при этом границы практического и гносеологического кругов не совпадают. И за счет тотальной информатизации, функционирования институтов СМИ, образования, массовой культуры и т.д. сфера осведомленности современного человека на порядки превышает сферу компетенции: опыт, полученный человеком в непосредственной практической деятельности с использованием конкретных вещей в разы меньше «пересказанного» опыта. Этот когнитивный разрыв и заполняется теми самыми мифами. Так происходит поляризация в ходе артикуляции вещей-текстов: дискурсивные практики людей, групп и обществ, имеющих дело с материальными «оригиналами» вещей, не тождественны по форме и сути с процессами и практиками тех, кто имеет дело только с мифологизированными «аналогами». И чем больше социальная дистанция между этими полюсами, тем более упрощенный и редуцированный миф (вос)производится. Характерно и то, что в ходе мифологизации происходит упрощенное описание не только вещей, но и реификация мифов для описания групп и сообществ через свойства и характеристики вещей. Намеренно избегая сензитивных тем (вроде приравнивания тутси к тараканам во

время геноцида в Руанде), приведем несколько комический пример из сферы массовой культуры: среди поклонников рок-музыки существует миф о «примитивности» басистов [11], связанный с неприметностью и неочевидностью их вклада в общую музыкальную композицию (особенно на фоне вокалистов, соло-гитаристов и ударников). Они воспринимаются как «недогитаристы», играющие на «упрощенном» варианте гитары (ведь бас визуально похож на гитару, но обычно имеет 4 струны, а не 6 или 7, как на других видах гитар), и такое восприятие распространяется и на самих басистов, которые воспринимаются как «упрощенные» и «примитивные» музыканты. Показателен и не менее ироничный миф об «уникальности» и «экссклюзивности» басистов как истинных создателей рок-музыки, порожденный «уникальностью» и «экссклюзивностью» инструмента, которым они оперируют [Там же].

Таким образом, интерпретация вещей в категории «вещи-текста» для изучения ее дискурсивной онтологии позволяет использовать методологию дискурс-анализа практически в неизменном виде. Но абсолютизация дискурсивного, характерная для модели Э. Лакло и Ш. Муффа, исключает фокус на специфике вещей как материальных объектов, который подразумевался упомянутым нами «поворотом к материальному». И если во время изучения деятельностного уровня онтологии вещей их материальные и функциональные особенности можно рассматривать с точки зрения перформативного и референтного потенциала, который они в себе воплощают, то при изучении дискурсивного уровня эта проблема во многом упускается. С другой стороны, на дискурсивном уровне функции перформации и референции принимают на себя язык и речь, сеть семантических, грамматических, морфологических, фонетических, метафорических и других связей, скомбинированная «автором» в текст и погруженная в контекст, что вполне можно изучить посредством дискурс-анализа. Однако хотя разрыв между «оригинальной» вещью из материального мира и ее дискурсивной проекцией («вещью-текстом») подразумевается, им приходится пренебречь. Аналогично с этим приходится пренебречь и разницей между мирами «автора» вещи-текста и его интерпретаторов, которую подчеркивали постструктуралисты, дополняющейся еще и разницей между мирами «автора» вещи и автора «текста о вещи». К сожалению, методология дискурс-анализа не дает однозначных средств для анализа этой разности, и на гносеологическом уровне она редуцируется (аналогично тому, как редуцируются характеристики самой вещи при проекции ее в языковые системы), однако триангуляция теоретико-методологического аппарата позволит рассмотреть и этот вопрос – на деятельностном и / или пространственном уровнях.

Для этого методологию Э. Лакло и Ш. Муффа можно дополнить, например, методикой критического анализа Н. Фэркло [5], трехуровневую модель которого вполне адаптируема для изучения дискурсивности вещей: 1. Дискурсивная практика, то есть (вос)производство определенных элементов дискурса за счет артикуляции вещи-текста. 2. Вещь-текст, то есть артикулируемая дискурсивная проекция вещи.

3. Социальная практика, то есть определенный «социальный контекст» акта артикуляции вещи-текста; он представляет из себя социальную матрицу дискурсов, борьбу дискурсов в ходе процессов структурирования социальной реальности за счет закрепления за знаками (вещами-текстами) определенных значений для установки, воспроизводства и изменения отношений

идентичности. В любом случае, самостоятельное использование методологии дискурс-анализа в чистом виде для изучения вещей вполне возможно, но оно имеет смысл лишь в том случае, если такое исследование будет дополнено изучением других характеристик социальности вещей (их инструментальности, функциональности, пространственности и т.д.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Латур Б. Где недостающая масса? Социология одной двери : пер. с фр. // Социология вещей. Сборник статей. Москва, 2006. С. 199-222.
2. Ло Дж. Объекты и пространства : пер. с англ. // Социология вещей. Сборник статей. Москва, 2006. С. 233-244.
3. Литовченко А. Д. Парадоксальность дискурс-анализа в социологии // Нові нерівності – нові конфлікти: шляхи подолання. Тези доповідей та виступів учасників III Конгресу Соціологічної асоціації України. Харків, 2017. с. 454-455.
4. Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and socialist strategy : towards a radical democratic politics. London, 1985. 197 p.
5. Филлипс Л., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод : пер. с англ. Харьков, 2008. 352 с.
6. Русакова О. Ф. Основные разновидности современных теорий политического дискурса: опыт классификаций // Аналитика культурологии. 2008. №11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-raznovidnosti-sovremennyh-teoriy-politicheskogo-diskursa-opyt-klassifikatsiy> (дата обращения: 17.01.2019).
7. Литовченко А. Д., Нехаенко О. В. Критико-социологический анализ пропагандистских аспектов социологического дискурса Украины: постановка проблемы // Соціологічні студії : наук-практ. журн. 2016, № 1 (8). С. 16-24.
8. Китай-город // Словарь современных географических названий. Екатеринбург, 2006. 680 с.
9. Деррида Ж. Структура, знак и игра в дискурсе наук о человеке : пер. с фр. // Современная литературная теория. Антология. Москва, 2004. С. 47–68.
10. Барт Р. Избранные работы : Семиотика. Поэтика : пер. с фр. Москва, 1989. 616 с.
11. Басист. Lurkmore. URL : <http://lurkmore.to/Басист> (дата обращения: 06.01.2019).

REFERENCES

1. Latour B. Where Are the Missing Masses? Sociology of a Door : translation from French // The Sociology of Things. Digest of articles. Moscow, 2006. P. 199-222.
2. Law J. The Objects and the Spaces : translation from English // The Sociology of Things. Digest of articles. Moscow, 2006. P. 233-244.
3. Litovchenko A. D. The Paradoxicalness of the Discourse-analysis in Sociology // New Inequalities – New Conflicts: paths of overcoming. The abstracts of the speeches of the participants of The Third SAU Congress. Kharkiv, 2017. P. 454-455.
4. Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and socialist strategy : towards a radical democratic politics. London, 1985. 197 p.
5. Phillips L. J., Jorgensen M. W. Discourse Analysis As Theory And Method : translation from English. Kharkov, 2008. 352 p.
6. Rusakova O. P. The Main Varieties if the Modern Theories of the Political Discourse: the Experience of the Classification // The Analytics of Culturology. 2008. №11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-raznovidnosti-sovremennyh-teoriy-politicheskogo-diskursa-opyt-klassifikatsiy> (the date of the request: 17.01.2019).
7. Litovchenko A. D., Nekhaienko O. V. The Critical Sociological Analysis of the Propagandistic Aspects of the Sociological Discourse of Ukraine: the Formulation of the Problem // Sociological Studies : scientific and practical journal. 2016, № 1 (8). P. 16-24.
8. Kitay-gorod // Dictionary of Modern Geographical Names. Yekaterinburg, 2006. 680 p.
9. Derrida J. Structure, Sign, and Play in the Discourse of the Human Sciences: translation from French // Modern Literary Theory. Anthology. Moscow, 2004. P. 47–68.
10. Barthes R. Selected Works: Semiotics. Poetics : translation from French. Moscow, 1989. 616 p.
11. Bassist. Lurkmore. URL : <http://lurkmore.to/Басист> (the date of the request: 06.01.2019).

The Applying of the Discourse-analysis to the Studying of the Discourse Level of the Ontology of Things: Capabilities and Limitations

D. Boiko, B. Dykan

Abstract. The potential of the discourse-analysis as the methodology of studying of the discourse level of the ontology of things is considered. It is noted that the variant of the methodology in the interpretation of E. Laclau and Ch. Mouffe's hegemony theory is the most actual for such study. It is emphasized that a thing as a socially mastered material object is included into the cultural sign structures due to what it is possible to use the discourse-analysis to its study. Examples of the aspects of the discourse level of the ontology of things which are covered by the discourse-analysis methodology and of ones and which are missed, are provided.

Keywords: the sociology of things, discourse-analysis, mythologization, articulation.